

В. А. Разумовская

ПЕРЕВОДИМОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, 660041, Красноярск-41,
пр. Свободный, 79

Статья посвящена проблемам передачи в художественном переводе культурной информации и памяти «сильного» текста, являющегося хранилищем и эффективным генератором эстетических смыслов. В рамках «культурного» направления в переводоведении культурная информация и память являются регулярными объектами и единицами перевода. История художественного перевода свидетельствует о том, что «сильный» оригинал постоянно создает многочисленные иноязычные и иносистемные (межсемиотические) вторичные тексты, формируя обширный центр переводческой аттракции. С позиции лингвокультурологического направления «сильные» тексты находятся в узлах текстовых и культурных решеток, что обеспечивает стабильность и сохраняемость культур, а также их регулярное участие в межкультурном взаимовлиянии и взаимообмене. Сравнительно недавно парадигму стратегий лингвокультурной адаптации текстов художественной литературы, формируемой стратегиями форенизации и доместикиции, расширила стратегия остранения. Понятие остранения впервые было выделено и описано как специальный художественный прием, позволяющий трансформировать восприятие обычного явления в странное, задержать внимание читателя на номинируемом в тексте явлении без его прямого описания. Будучи впервые сформулированным в русском формализме, прием остранения описан преимущественно на материале «сильных» текстов русской литературы и культуры. В дальнейшем остранение стало рассматриваться в теории искусства не только как художественный прием, но и как универсальный закон искусства. Ярчайшим результатом действия закона и широкого использования приема остранения является роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Культурная информация и память эксплицируются в тексте оригинала различными видами культуронимов, описывающими действия героев в библейском, московском и inferнальном времени. В настоящем исследовании представлен анализ случаев передачи культуронимов из булгаковского текста в английских переводах посредством использования стратегии остранения. Применение стратегии остранения позволяет воссоздать в переводах оригинальную «странность» мистического романа, влияющую на восприятие читателей и обеспечивающую высокую степень интерпретативности информации художественного текста. Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: «сильный» текст, культурная информация и память, лингвокультурная адаптация, остранение, «Мастер и Маргарита».

CULTURAL INFORMATION TRANSLATABILITY AND STRATEGIES OF LITERARY TRANSLATION

V. A. Razumovskaya

Siberian Federal University, 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

The article is devoted to the problems of literary translation transmission of cultural information and memory of a “strong” text, which is the repository and effective generator of aesthetic senses. Within the framework of the “cultural” trend in translation studies the cultural information and memory are regular translation objects and units. The history of literary translation demonstrates that a “strong” original text constantly creates numerous foreign language and other-systematic (intersemiotic) secondary texts, forming a large center of translation attraction. From the standpoint of linguacultural area “strong” texts are located in textual and cultural grid nodes, providing stability and retentive property of cultures, as well as their regular participation in inter-cultural interaction and interchange. Relatively recently, the paradigm of linguacultural adaptation strategies of literary texts, formed with the strategies of foregnization and domestication, was expanded with the strategy of estrangement.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

The concept of estrangement was first identified and described as a special artistic technique that allows to transform the perception of the ordinary phenomenon in the strange one, to concentrate the reader's attention on the phenomenon nominated in the text without its direct description. Being first formulated in the area of Russian formalism school, the technique of estrangement was mainly described on the material of the "strong" texts of Russian literature and culture. Later estrangement was considered in the theory of art not only as an artistic technique, but also as the universal law of art. The most evident result of the law use and the widespread application of the technique of estrangement is the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita". The cultural information and memory are explicated in the original text by different kinds of culturonyms, describing the action of the heroes in biblical, Moscow and infernal time. This study presents the analysis of the cases of culturonyms' transfer from the Bulgakov's text into the English translations by using the strategy of estrangement. The application of the strategy of estrangement allows to recreate the original "strangeness" of the mystical novel in translations, which affects the perception of readers and provides a high degree of interpretiveness of the literary text information. Refs 25.

Keywords: "strong" text, cultural information and memory, linguacultural adaptation, estrangement, "The Master and Margarita".

В национальных литературах мира регулярно представлены тексты, обладающие культурной ценностью, эстетической энергией и формирующие ядро литературных текстов, ориентированных на культуру. В теории интертекстуальности такие ядерные тексты определяются как «сильные» тексты: они известны большинству представителей «своей» культуры; представлены в образовательных программах различных уровней; обладают высокой информационной энергией, что обеспечивает их перманентный энергетический обмен и информационный резонанс с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур и со своими читателями [Кузьмина]. «Сильные» тексты обладают способностью к реинтерпретативности. Они регулярно переводятся на языки «своей» и «чужих» культур — выступают объектами внутриязыкового и межъязыкового переводов, а также и на «языки» других видов искусств — подлежат межсемиотическому переводу (по Р. Якобсону).

Литературный текст, и прежде всего «сильный» текст, является одной из важнейших форм экспликации смыслового поля культуры. Практически в каждом художественном оригинале представлена культурная информация (культурный опыт, национально-культурная семантика) — информация об основных событиях, персоналиях, традициях, верованиях, бытовых реалиях, связанных с жизнью национально-культурных сообществ. Культурная информация в текстах литературы обладает гетерогенной природой, так как она представлена внутренней («своя» культурная информация языка оригинала) и внешней («чужая» культурная информация, описываемая языком оригинала) разновидностями. С другой стороны, гетерогенная природа культурной информации обусловлена и тем, что данная информация может включать в себя сведения и о материальной культуре (вещах или предметах — артефактах, созданных человеком), и о культуре духовной (нормах, ценностях, ритуалах, символах, мифах, обычаях, верованиях, традициях). Материальная и духовная разновидности культурной информации являются результатами деятельности людей на протяжении жизни одного или нескольких поколений, что позволяет определить культуру, и соответственно культурную информацию, как «совокупность результатов деятельности людей, создающих систему традиционных для человечества ценностей, как материального, так и духовного характера» [Миронов, с.9]. Не вызывает сомнения, что одним из важнейших и наиболее традиционных каналов культуры является язык как средство коммуникации: «комму-

никация — это одновременно среда, канал и средство-способ “жития” и трансляции самой культуры» [Красных, с. 67].

Отражаясь в тексте как культурная информация, в контексте художественного перевода культура становится объектом, а также и единицей перевода. Так, с позиции «культурного» направления в переводоведении С. Басснетт и А. Лефевр приходят к новаторскому выводу о том, что именно культура становится операционной единицей перевода, а не слово или текст [Bassnett, Lefevere]. Культурная информация, представленная в тексте, номинируется различными единицами: «cultural words» (П. Ньюмарк), «culture-specific references» (И. Гамбье), «cultureme» (К. Норд), «реалии» (Л. С. Бархударов, М. Л. Вайсбурд, С. Влахов и С. Флорин, Д. Б. Гудков, Е. Ю. Попова, Г. Д. Томахин), «слова с культурным компонентом» (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин), «культуронимы» (В. В. Кабакчи). В настоящем исследовании используется термин «культуроним», широко представленный в современном научном дискурсе и обозначающий языковые единицы, закрепленные за элементами различных культур.

Часть культурной информации определяется как «культурная память» — сравнительно новое понятие, подразумевающее одно из внешних измерений человеческой памяти (наряду с миметической, предметной и коммуникативной памятью) и имеющее временной и социальный аспекты [Assmann]. Феномен культурной памяти связан с вопросами коллективной идентичности («мы-идентичности»), поскольку именно благодаря культурной памяти, выполняющей роль коннективной структуры общества, осуществляется циркуляция, сохранение и передача культурного смысла. Предлагая термин «культурная память» и определяя данное явление как форму коллективной памяти, египтолог и теоретик культуры Я. Ассман трактует культурную память через понятие «помнящей культуры» (ср. «память культуры и культура памяти» у Ю. М. Лотмана), понимаемой как коллективная, групповая память, порождающая групповую, коллективную идентичность и имеющая выраженный надындивидуальный характер.

Культурная память как особый вид культурной информации часто является неточной и нередко измененной информацией о событиях прошлого. Будучи мифологизированной информацией об исторических событиях, местах, явлениях и людях, фиксируемой в народных песнях, сказаниях, легендах, анекдотах и прочих устных и письменных текстах, культурная память есть несколько искаженная культурная информация. В отличие от культурной информации память прочно сохраняется в долгосрочной памяти у значительной части культурного сообщества и передается из поколения в поколение. Выходя за рамки культурного опыта индивида, культурная память отражает наиболее значимое прошлое, общее для определенного народа, нации или даже для большинства человечества независимо от национальной принадлежности. По К. Юнгу, культурная память является наследием всех предыдущих поколений человечества, представляет собой итог жизни рода и определяется как родовая память человечества, не относящаяся к личным воспоминаниям отдельного человека — «коллективное бессознательное» [Jung].

Обращение к явлению культурной памяти переместило исследование памяти из традиционных областей биологии и психологии в область культуры, что существенно изменило методологию и акцентировало важность изучения аксиологического освоения и символической интерпретации культуры. В контексте семиотиче-

ского подхода культурная память традиционно понимается как особый индивидуальный механизм хранения и передачи сообщений (текстов) и выработки новых сообщений. Ю. М. Лотман сделал важный методологический вывод: культура и память являются тесно взаимообусловленными и взаимосвязанными, поскольку пространство культуры может быть определено как пространство общей памяти, в которой культурно-значимые тексты хранятся и актуализируются. Размышляя о взаимосвязи культуры и памяти, Ю. М. Лотман пишет: «...память культуры не следует представлять себе как некоторый склад, в который сложены сообщения, неизменные в своей сущности и всегда равнозначные сами себе. В этом отношении выражение “хранить информацию” может своим метафоризмом вводить в заблуждение. Память не склад информации, а механизм ее регенерирования» [Лотман, с. 617–618]. В точке пересечения культуры и памяти наиболее актуальными становятся вопросы культурного и мнемонического кодирования.

В настоящее время культурная память является объектом междисциплинарных исследований в различных областях гуманитарных знаний: философии, религиоведении, теории культуры, социологии, истории, антропологии, этнологии, литературоведении и лингвистике. Успешность изучения культурной памяти во многом зависит от использования эффективной методологии исследования. Именно методология является тем местом, где плодотворно встречаются теория и практика. Их очевидная взаимосвязь отражается в таких понятиях, как «археология знания» [Foucault] и «археология текста» [Гриликес]. Авторы перечисленных «археологических» понятий основываются в исследованиях на признании того, что именно текст является одной из традиционных форм и мест хранения культурной информации и соответственно культурной памяти. Понятие археологии в данном случае имеет метафорическое значение и отражает универсальный аналитический метод извлечения и далее изучения архивированной информации, что отражает герменевтический поворот в современных гуманитарных науках. В филологической герменевтике представлены исследования, посвященные изучению культурной памяти в текстах русских классиков, ставших достоянием мировой литературы и культуры [Свахина; Тадевосян; Томпсон].

Поскольку культурная информация и память являются неотъемлемой частью информационного пространства художественных текстов, традиционно вовлеченных в процесс художественного перевода, то к областям изучения данных явлений культуры, несомненно, относится и художественное переводоведение. История художественного перевода убедительно свидетельствует о том, что «сильный» оригинал генерирует многочисленные иноязычные и иносистемные (межсемiotические) вторичные тексты и образует обширный центр переводческой аттракции [Разумовская]. В роли наиболее известных аттракторов перевода регулярно выступают тексты, являющиеся достоянием культуры. Для русской культуры это прежде всего тексты А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. С позиции лингвокультурологического направления в переводоведении тексты-достояния («cultural capital»), или «сильные» тексты, находятся в узлах текстовых и культурных решеток [Bassnett, Lefevere], что обеспечивает стабильность и сохраняемость культур, а также их регулярное участие в межкультурном обмене — художественном переводе.

Ингерентная культурная ориентированность «сильных» текстов предполагает выбор эффективных стратегий культурной адаптации информации художественного оригинала в переводе. Представляется, что применение «археологического» подхода к вопросам художественного перевода выводит проблематику данного вида перевода из сравнительно узкой лингвистической сферы в более широкий лингвокультурный контекст, который в большей степени соответствует специфике художественного текста (как важного явления культуры) и художественного перевода (как значимого культурного процесса), а также культурной информации и памяти (как содержательного параметра художественного текста и регулярного объекта перевода). Культуроориентированная теория, развившаяся в альтернативу лингвистической теории перевода, оперирует ключевым понятием инаковости (otherness), позволяющим отразить межкультурное взаимодействие текстов перевода и описать фиксируемые в текстах культурные явления в их взаимосвязи и взаимодействии.

Рассмотрение культурной информации и памяти как объекта и единицы перевода неизбежно приводит к необходимости найти ответы на два ключевых вопроса: (1) вопрос о переводимости данных единиц и (2) вопрос о выборе наиболее эффективных стратегий перевода. В отношении переводческой дихотомии «переводимость-непереводимость» в данной работе разделяется оптимистическая точка зрения на переводимость (в наиболее широком понимании данного понятия). Непереводимых текстов не существует, но есть неперевоаемые элементы текстов, поэтому в большинстве случаев необходимо говорить не о принципиальной переводимости, а о степени переведённости потенциальных единиц перевода. В выборе наиболее эффективных стратегий перевода необходимо учитывать, что с позиций лингвокультурологии широкое применение получил термин «адаптация», используемый преимущественно в двух значениях: во-первых, для определения конкретного переводческого приема, предполагающего замену неизвестного культурного явления языка оригинала на явление, известное в культуре языка перевода; во-вторых, для обозначения способа достижения равенства коммуникативного эффекта в текстах оригинала и перевода [Фененко]. При рассмотрении перевода художественного текста как герменевтической задачи лингвокультурная адаптация предполагает встраивание переведенного текста в матрицу (культурную решётку у А. Лефевра) принимающей лингвокультуры. Л. Венути рассматривает основные стратегии адаптации культурной информации в рамках лингвокультурной дихотомии «свой и чужой» и определяет стратегии терминами «форенизация» и «доместикация» [Venuti]. Сравнительно недавно к данной парадигме стратегий была добавлена стратегия остранения [Куницына]. Интересно отметить, что как антиманипулятивная стратегия остранение было эффективно применено в кинопереводе [Корнаухова].

Идея остранения как художественного приема (эффекта) впервые была сформулирована лидером русского формализма В. Б. Шкловским, исследовавшим проявления категории странного в художественной литературе, и прежде всего в текстах Л. Н. Толстого, который использовал специальный прием для вычленения обыденного предмета из рутинного контекста. Остранение не является исключительно толстовским художественным приемом: его регулярно использовали Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. И. Куприн, А. П. Чехов и другие русские писате-

ли. В зарубежной литературе прием остранения характерен для творчества Ф. Кафки и Э. Гофмана. Применение данного приема задерживает внимание читателя на описываемом в тексте предмете, способствует эмоциональному восприятию, осмыслению и переживанию связанной с предметом информации. Остранение обеспечивает особое восприятие и видение предмета, которое напрямую не объясняет значение предмета, а только концентрирует на нем внимание, увеличивая время его «созерцания» и осознания, усиливая трудность его восприятия читателем. «Целью образа является не приближение его значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “виденья” его, а не “узнавания”» [Шкловский, с. 20]. Вышесказанное позволяет использовать прием остранения для обозначения трансформации вещей из обычных в странные, непонятные. Именно такое понимание художественного явления позволило В. Б. Шкловскому считать остранение не только особым художественным приемом, но и универсальным законом искусства.

В дальнейшем понятие остранения значительно расширило сферу применения. Так, у немецкого драматурга Б. Брехта у остранения усиливается степень странности и явление переходит из пространства странности в пространство «чужести», становится уже не странным, а чужим и непонятным, трансформируется в стадию «отчуждения». Комплексное рассмотрение понятия остранения в работах В. Б. Шкловского и З. Фрейда (в теории жуткого) дает возможность М. Н. Эпштейну разграничить остранение и ожутчение и предложить термин «острашение» (гиперболу остранения), номинирующий художественный прием, «который выводит восприятие вещи из автоматизма и побуждает сосредоточить на ней внимание, поскольку она пугает, представляет угрозу» [Эпштейн]. Получая статус закона искусства, предсказанный еще В. Б. Шкловским, в настоящее время остранение широко представлено в многомерном пространстве искусства. Так, в театроведении остранение модифицируется в театральный эффект отчуждения; в кинематографии используется как средство влияния на зрительское восприятие креолизованного кинотекста; в изобразительном искусстве определяет затрудненное восприятие объекта. Странность формы объекта делает восприятие основным процессом искусства и обеспечивает не только восприятие, но и глубокое переживание произведений искусства, осмысление и переосмысление заложенной в них эстетической информации.

В предметной области переводоведения появились работы (В. П. Руднев, И. А. Самохина, С. Н. Сыроваткин), анализирующие передачу приёма остранения в ситуации перевода русской классики на иностранные языки. Интересный материал для наблюдения за приемом остранения как единицы художественного перевода, а также и как новой переводческой стратегии представлен в английском переводе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души», выполненном К. Инглишем. Переводчик использует стратегии культурной адаптации информации гоголевского оригинала в сочетании с переводом-остранением или переводом-калькой. При таком переводческом подходе и с помощью техники транслитерации происходит этнокультурная идентификация безэквивалентных единиц русского оригинала и создается эффект остранения, сигнализирующий читателю о том, что перед ним перевод иноязычного оригинала. Остранение не только обеспечивает определенную степень «русскости» английского перевода, но и позволяет переводчику следовать следую-

щему принципу: «чужое» слово в гоголевском тексте остается «чужим» в переводе. «Следует отметить, однако, что этот эффект, создаваемый при переводе, неожиданно оказывается конгениальным поэтике оригинала в тех фрагментах, где сам Гоголь моделирует установку на остранение» [Нестеренко, с. 28]. Отдельного внимания заслуживает и диссертационное исследование [Бузаджи], посвященное рассмотрению остранения в аспекте сопоставительной стилистики и передачи данного художественного приема в переводе. В работе Д. М. Бузаджи, ставшей первым исследованием понятия остранения в российском переводоведении, остранение понимается как обобщенная семантическая модель, которая помогла бы подвести под все случаи остранения единое семантическое основание, но не учитывает проблему психологического отчуждения автора от своего материала, когда текст подвергается переводу.

Бесспорно выдающимся («сильным») текстом как русской, так и всей мировой художественной литературы является роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Его несомненная «сила» обусловлена богатством булгаковских смыслов, генерируемых высокой интертекстуальностью художественной ткани, переплетённостью сюжетных линий, сложной хронотопной организацией повествования, яркими образами главных и второстепенных героев. Важнейшим источником «силы» текста романа стали и представленные в нем культурная информация и память. Перечисленные параметры определяют особый строй и художественную уникальность романа.

Одним из механизмов придания фантастичности и мистицизма булгаковскому тексту является художественный прием остранения, используемый автором для представления читателям многомерной действительности романа. Примечательно, что в романе представлены два типа остранения, которые выделил В. Б. Шкловский [Сошкин]. Языковым механизмом реализации остранения первого типа выступают метафоризация и эвфемизация, широко используемые М. А. Булгаковым. Второй тип реализуется через отказ автора текста от прямого называния предмета, через его детальное косвенное описание, что также характерно для случая «Мастера и Маргариты». Разница между двумя типами приема представлена в интенциях художественного текста, а также в том, что сознательно эксплицируется и имплицитруется автором.

Интересующий нас художественный прием широко представлен в русском оригинале романа, что достигается использованием «странных» имен персонажей, существующих в «странном» inferнальном времени (*Воланд, Бегемот, Азazelло, Фагот*), московском времени (*Берлиоз, Бездомный, Римский, Варенуха, Стравинский*) и ветхозаветном времени (*Марк Крысобой, Низа*). Мистическая атмосфера создается непосредственно с первых строк. «Странность» первой главы романа эксплицируется уже ее названием «Никогда не разговаривайте с неизвестными», информирующим о неизбежности встречи героев романа и соответственно читателей с чем-то незнакомым, непонятным и, как следствие этого, странным. Встреча героев московского и inferнального времени описывается в тексте различными лексическими средствами. Предчувствие странных событий и появление странных персонажей предсказывается уже в первых строках. Странное место действия и странные ощущения писателей значительно усиливаются появлением крайне странного персонажа. Усиленная степень странности, выраженная в оригинале

префиксальной единицей *престранный*, сохранена во всех английских переводах — *the strangest, bizarre, the strangest, very strange*. Появление в воздухе «престранного» персонажа (Коровьева) предвещает появление главного inferнального (и, конечно, странного) персонажа — Воланда. В рассматриваемой главе автор не сообщает читателю имени героя, но дает развернутое описание его странной внешности и поведения. Для обозначения персонажа в оригинале многократно используются единицы *иностранец* и *неизвестный*, а также *англичанин, немец, француз, поляк, интурист, шпион, эмигрант*. Несколько реже все еще безымянный Воланд называется *заграничным чудачком, заграничным гостем, иноземцем, незнакомцем*, что также определяет его как чужого, странного. Берлиоз мысленно определяет его как *престранного субъекта*. После предъявления Воландом писателям визитной карточки в тексте используется единица *профессор*, а в заключительной части главы появляется сочетание *странный профессор*. В русском оригинале на визитной карточке профессора одновременно использованы буквы кириллического и латинского алфавита, что эксплицирует иностранную (чужую, странную) природу графического знака — *напечатанное иностранными буквами слово*. Появление в кириллическом тексте оригинала инографической буквы «W», выделенной кавычками, также служит созданию эффекта остранения. Смещение графических систем в русском оригинале усиливает эффект остранения. В монографических английских переводах используются только графическое выделение аббревиатуры кавычками и эксплицитные указания *foreign alphabet* и *foreign letters*.

Исследователи творчества М. А. Булгакова регулярно подчеркивают «остраненность» текстов писателя, и в частности текста «Мастера и Маргариты» [Синцов; Химич]. А. П. Казаркин отмечает, что философская ирония в романе «предполагает постоянное опровержение взглядов и дел героев, а главное — остранение привычного мировоззрения: доказательство его односторонности, недостаточности или ненормальности» [Казаркин, с. 51]. В широком смысле можно утверждать, что весь роман, и прежде всего сцены inferнального времени, создан на основе закона искусства, сформулированного В. Б. Шкловским, — закона остранения. Ярчайшим примером применения указанного закона является эпизод «Великий бал у Сатаны». Таким образом, роман «Мастер и Маргарита» может быть определен как роман-остранение, что в полной мере соответствует криптографической природе культового булгаковского текста.

Переводчикам романа необходимо решить целый комплекс переводческих задач. В контексте остранения — это задачи идентификации фрагментов художественного текста, содержащих приемы остранения в оригинале и являющихся единицами перевода; сохранения приема остранения в переводе. Узнавание и декодирование смыслов, созданных на основе приема остранения, должно в полной мере соответствовать стремлению переводчика к полному и глубокому освоению информационного комплекса текста. Одновременное выполнение переводчиком ролей субъекта чтения и субъекта перевода позволяет рассматривать перевод с позиций герменевтики как «предельный случай понимания» (по Г. Гадамеру), как крайне сложную и важную герменевтическую задачу. Что, несомненно, актуально для перевода «Мастера и Маргариты».

Необходимо отметить, что стратегия остранения не используется исключительно для передачи в переводе приема остранения, представленного в оригина-

ле, что можно проиллюстрировать на материале английских переводов 28-й главы романа. В данной главе представлена комическая и порой гротескная сцена посещения Торгсина Бегемотом и Коровьевым. Несмотря на присутствие мистических персонажей и их странные действия, «скелетом» данной сцены является сценарная ситуация посещения магазина, в которой участвуют посетители (*Коровьев, Бегемот, публика, гражданки в платочках и беретиках, гражданки на низеньких стульчиках, низенький квадратный человек в сиреновом пальто, тихий старичок*) и сотрудники магазина (*швейцар, продавец в рыбном отделе, продащица кондитерского отдела, Павел Иосифович*), а также описываются продаваемые товары (*лососина, мандарины, шоколадные плитки, селедка, миндальные пирожные, ситец, миткаль, шифоны и сукна фракные, коробки с обувью*). Место действия обозначено единицами *магазин, Торгсин и Смоленский рынок*. В данной сцене покупатели примеряют обувь, беседуют с продавцами, узнают цену товара. В свою очередь, продавцы обслуживают клиентов, разделявают лососину, информируют покупателей о цене товара, требуют товарный чек. Сценарная ситуация оформлена в тексте в соответствии с художественным замыслом и индивидуальным стилем автора, что делает её крайне динамичной и карикатурной. Прежде всего необходимо отметить, что в переводе М. Гинзбург, впервые опубликованном в 1967 г. и ставшем первым англоязычным переводом, сцена в Торгсине полностью отсутствует. 28-я глава романа значительно сокращена и содержит только сцену в ресторане Дома Грибоедова. Можно гипотетически предположить, что отсутствие сцены вызвано решением переводчика отказаться от перевода событийно и стилистически сложной сцены или тем, что переводчик посчитал сцену недостаточно важной для развития сюжетной линии переводимого художественного текста. Кроме того, перевод М. Гинзбург был выполнен с текста романа, опубликованного в СССР и подвергнутого значительной цензуре.

Единица *Торгсин* наряду с названиями других организаций и учреждений Москвы является культуронимом, содержащим культурную память о сравнительно недалеком прошлом Советской России и сокращением названия организации «Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами». Единица стала одним из ключевых слов эпохи экономического эксперимента в СССР и олицетворением сытой буржуазной жизни. *Торгсин* входит в обширную группу советизмов, широко представленных в московских главах романа и культурно значимых для русофонных читателей. Единица имплицитно несет идею широкого выбора импортных товаров высокого качества, торговлю на валюту и золотые монеты. Использование единицы *Торгсин* крайне важно для создания атмосферы изобилия и сытости в магазине, который посещают булгаковские персонажи. Рассмотрим стратегии перевода культуронима *Торгсин* в других английских переводах. Так, переводчик Х. Альпин использует транслитерацию единицы оригинала, образуя эквивалент *Torgsin*. Читатели перевода могут понять, что слово *Torgsin* служит названием магазина, только из более широкого контекста главы. В переводе Х. Альпина значение единицы также объясняется читателям перевода в послетекстовом комментарии: *The name is an abbreviation for 'trade with foreigners'*. М. Гленни, а в более позднем переводе и Д. Бургин и К. О'Коннор используют соответствие *Torgsin Store*, информирующее читателей перевода уже в пределах микроконтекста о том, что единица номинирует магазин. Р. Пивер и Л. Волохонски применяют стратегию культурного опущения

и отказываются от транслитерации единицы оригинала, используя сочетание «currency store», которая передает родовое понятие магазина и информирует читателя о том, что торговля в описываемом магазине осуществляется на валюту. М. Карпельсон использует следующее переводческое соответствие *Torgsin foreign currency store*, в котором русская единица транслитерирована и сопровождается достаточно подробным культурным толкованием прямо в тексте главы. В послетекстовом комментарии к переводу М. Карпельсона использованная единица объясняется читателям еще раз: *Torgsin currency stores had significantly better merchandise and were limited to foreigners and those Russians who were allowed access to foreign currency*. Читатели переводов, не знакомые с явлениями экономики Советской России, воспринимают *Torgsin* как иноязычную (русскую) лексическую единицу, принадлежащую к культуре оригинального художественного текста и оформленную по правилам языка оригинала. Культуроориентированная стратегия остранения задерживает внимание читателя на транслитерированном культурониме, что обеспечивает определенную «русскость» английских переводов.

Таким образом, принимая во внимание значимость приема и закона остранения для оригинала «Мастера и Маргариты», можно утверждать, что основной целью переводчика «сильного» текста русской культуры является создание вторичного художественного текста, который, как и оригинал, основан на остранении как универсальном законе искусства. Воссоздание приема остранения оригинала в переводе и применение стратегии остранения дает возможность сохранить культурную информацию и память оригинала, что может обеспечить встраивание переводного художественного текста в текстовую и культурную решетки языка перевода.

Литература

- Бузаджи Д. М. «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. МГЛУ. М., 2007. 206 с.
- Гриликс Л. Археология текста. Сравнительный анализ Евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1999. 89 с.
- Казаркин А. П. Истолкование литературного произведения: вокруг «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Кемерово: КемГУ, 1988. 84 с.
- Корнаухова Н. Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 15 (3). С. 90–96.
- Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 67–73.
- Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: ОмГУ, 2009. 228 с.
- Куницына Е. Ю. Шекспир — Игра — Перевод. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 434 с.
- Лотман Ю. М. Память культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 614–621.
- Мионов В. В. Современные трансформации в культуре. СПб.: СПбГУП, 2011. 208 с.
- Нестеренко О. А. Адаптация и остранение как переводческие стратегии (на примере перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» К. Инглишем) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 26–29.
- Разумовская В. А. «Евгений Онегин» как центр переводческой аттракции: к вопросу о неисчерпаемости художественного оригинала // Материалы конференции «Congreso Internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”». (Granada, 7–9 de septiembre de 2011). Granada: Jizo, 2011. С. 584–589.
- Свахина О. В. Функции культурной памяти в повестях И. С. Тургенева // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2008. № 59. С. 336–343.

- Синцов Е. В. Художественно-историческая концепция власти М. А. Булгакова (роман «Мастер и Маргарита») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия. Филология. 2010. № 1 (7). С. 141–154.
- Сошкин Е. Приемы остранения: опыт унификации // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 178–191.
- Тадевосян Т. В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н. С. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук. МПГУ. М., 2008. 172 с.
- Томпсон Д. Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб.: Академический проект, 2000. 334 с.
- Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 70–75.
- Химич В. В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург: УрГУ, 2003. 336 с.
- Шкловский В. Б. Искусство как прием // О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9–26.
- Эпштейн М. Н. Жуткое и странное: о теоретической встрече З. Фрейда и В. Шкловского // Русский журнал. 2003. URL: www.russ.ru/krug/razbor/20030314_ep.html (дата обращения: 05.12.2015).
- Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: C. H. Beck, 1992. 333 S.
- Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. 165 p. (Topics in Translation. 11)
- Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. London: Tavistock, 1969. 218 p.
- Jung C. G. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1990. 560 p.
- Venuti L. *Strategies of translation* // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / ed. by M. Baker. London; New York: Routledge, 2006. P. 240–244.

Для цитирования: Разумовская В. А. Переводимость культурной информации и стратегии художественного перевода // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 110–121. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.409.

References

- Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, C. H. Beck Publ., 1992. 333 p.
- Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 1998. 165 p. (Topics in Translation. 11)
- Buzadžić D. M. “Ostranenie” v aspekte sopostavitel'noi stilistiki i ego peredacha v perevode (na materiale anglijskogo i russkogo iazykov) [“Estrangement” in the aspect of comparative stylistics and its translation transferring (on material of the English and Russian languages)]. PhD dissertation (Philology). Moscow State Linguistic University, Moscow, 2007. 206 p. (in Russian)
- Epshtein M. N. Zhutkoe i stranno: o teoreticheskoi vstreche Z. Freida i V. Shklovskogo. *Russian Journal*, 2003. Available at: www.russ.ru/krug/razbor/20030314_ep.html (accessed: 05.12.2015). (in Russian)
- Fenenko N. A. Lingvokul'turnaia adaptatsiia teksta pri perevode: predely vozmozhnogo i dopustimogo [Linguocultural adaptation of a text in translation: the limits of possible and permissible]. *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, 2001, vol. 1, pp. 70–75. (in Russian)
- Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. London, Tavistock Publ., 1969. 218 p.
- Grilikhes L. *Arkheologiya teksta. Sravnitel'nyi analiz Evangelii ot Matfeia i Marka v svete semitskoi rekonstruktsii* [Archaeology of a text. Comparative analysis of the Gospels of Matthew and Mark in the light of the Semitic reconstruction]. Moscow, Sviato-Vladimirskoe Bratstvo Publ., 1999. 89 p. (in Russian)
- Jung C. G. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press Publ., 1990. 560 p.
- Kazarkina A. P. *Istolkovanie literaturnogo proizvedeniia: vokrug “Mastera i Margarity” M. Bulgakova* [Interpretation of the literary work: around “The Master and Margarita” by M. Bulgakov]. Kemerovo, Kemerovo State Univ. Publ., 1988. 84 p. (in Russian)
- Khimich V. V. *V mire Mikhaila Bulgakova* [In the world of Mikhail Bulgakov]. Ekaterinburg, Ural State Univ. Publ., 2003. 336 p. (in Russian)

- Kornaukhova N. G. Perevodcheskie strategii v aspekte manipuliatsii soznaniem [Translation strategies in the aspect of consciousness manipulation]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, vol. 15 (3), pp. 90–96. (in Russian)
- Krasnykh V. V. Kul'tura, kul'turnaia pamiat' i lingvokul'tura: ikh osnovnye funktsii i rol' v kul'turnoi identifikatsii [Culture, cultural memory and linguoculture: their basic functions and the role in the cultural identification]. *Vestnik CMO MSU. Filologiya. Kul'turologiia. Pedagogika. Metodika*, 2012, vol. 3, pp. 67–73. (in Russian)
- Kunitsyna E. I. *Shekspir — Igra — Perevod [Shakespeare — Play — Translation]*. Irkutsk, Irkutsk State Univ. of Linguistics Publ., 2009. 434 p. (in Russian)
- Kuz'mina N. A. *Intertekst: tema s variatsiiami. Fenomeny kul'tury i iazyka v intertekstual'noi interpretatsii [Intertext: the theme with variations. The culture and language phenomena in the intertextual interpretation]*. Omsk, Omsk State Univ. Publ., 2009. 228 p. (in Russian)
- Lotman I. M. Pamiat' kul'tury [The memory of culture]. In: M. Lotman. *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo — SPb Publ., 2000, pp. 614–621. (in Russian)
- Mironov V. V. *Sovremennye transformatsii v kul'ture [Modern transformations in culture]*. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. of the Humanities and Social Sciences Publ., 2011. 208 p. (in Russian)
- Nesterenko O. A. Adaptatsiia i ostranenie kak perevodcheskie strategii (na primere perevoda poemy N. V. Gogolia "Mertvye dushi" K. Inglishem) [Adaptation and estrangement as translation strategies (on the example of N. V. Gogol's poem "Dead Souls" translation by Ch. English)]. *Tomsk State University Journal*, 2010, vol. 338, pp. 26–29. (in Russian)
- Razumovskaia V. A. "Evgenii Onegin" kak tsentr perevodcheskoi attraktsii: k voprosu o neischerpaemosti khudozhestvennogo originala ["Eugene Onegin" as the center of translation attraction: on the question of the inexhaustibility of a literary original]. *Proceedings of the Congreso Internacional "Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos" [Proceedings of the International Congress "Comparative Russian-Spanish studies: theoretical and methodological aspects"]*. Granada, 7–9 de septiembre de 2011. Granada, Jizo Publ., 2011, pp. 584–589. (in Russian)
- Shklovsky V. B. Iskusstvo kak priem [Art as Technique]. V. B. Shklovsky. *O teorii prozy [Theory of Prose]*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1983, pp. 9–26. (in Russian)
- Sintsov E. V. Khudozhestvenno-istoricheskaiia kontseptsiiia vlasti M. A. Bulgakova (roman "Master i Margarita") [M. A. Bulgakov's artistic-historical concept of power (the novel "The Master and Margarita")]. *Bulletin of Samara Academy of Humanities. Series Philosophy and Philology*, 2010, vol. 1 (7), pp. 141–154. (in Russian)
- Soshkin E. Priemy ostraneniia: opyt unifikatsii [Estrangement devices: the experience of unification]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary observer]*, 2012, vol. 2 (114), pp. 178–191. (in Russian)
- Svakhina O. V. Funktsii kul'turnoi pamiati v povestiakh I. S. Turgeneva [The functions of cultural memory in the novels by I. S. Turgenev]. *Izvestia of the Ural State University. Series 2. Humanities and Arts*, 2008, vol. 59, pp. 336–343. (in Russian)
- Tadevosian T. V. *Mifologema geroia v poeticheskom tvorchestve N. S. Gumileva [The mythologeme of a hero in the poetic works by N. S. Gumilyov]*. PhD dissertation (Philology). Moscow State University of Education (MSPU), Moscow, 2008, 172 p. (in Russian)
- Tompson D. E. "Brat'ia Karamazovy" i poetika pamiati ["The Brothers Karamazov" and the poetics of memory]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 334 p. (in Russian)
- Venuti L. Strategies of translation. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London, New York, Routledge, 2006, pp. 240–244.

For citation: Razumovskaya V. A. Cultural Information Translatability and Strategies of Literary Translation. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 4, pp. 110–121. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.409.

Статья поступила в редакцию 20 января 2016 г.

Статья рекомендована в печать 30 мая 2016 г.

Контактная информация:

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор;
veronica_raz@hotmail.com

Razumovskaya Veronica A. — Associate Professor, PhD in Linguistics, Professor;
veronica_raz@hotmail.com